

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ
(ОШАНИНА)

Я ВИНОВАТ?

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ (ОШАНИНА)

Я ВИНОВАТ?

БОСТОН • 2025 • BOSTON

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ (ОШАНИНА)

Я ВИНОВАТ? *Роман*

Публикуется в авторской редакции

TATIANA USPENSKAYA (OSHANINA)

AM I TO BLAME? *A Novel*

Published in the Author's Edition

Copyright © 1980-2024 by Tatiana Uspenskaya (Oshanina)

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533739

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 www.mgraphics-books.com

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2025

Book Design by M•GRAPHICS © 2025

Printed in the United States of America

*Посвящается замечательному педагогу и
очень близкому мне человеку
Михаилу Йогману*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая</i>	9
<i>Глава вторая</i>	33
<i>Глава третья</i>	45
<i>Глава четвёртая</i>	65
<i>Глава пятая</i>	85
<i>Глава шестая</i>	109
<i>Глава седьмая</i>	126
<i>Глава восьмая</i>	138
<i>Глава девятая</i>	150
<i>Глава десятая</i>	156
<i>Глава одиннадцатая</i>	166
<i>Глава двенадцатая</i>	176
<i>Глава тринадцатая</i>	191
<i>Глава четырнадцатая</i>	205
<i>Глава пятнадцатая</i>	228
<i>Глава шестнадцатая</i>	247
<i>Глава семнадцатая</i>	262
<i>Глава восемнадцатая</i>	285
<i>Глава девятнадцатая</i>	308
<i>Эпилог</i>	321

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Он, как первоклашка, под её взглядом. Лично ему говорит Кира Софроновна:

— Кто залез в мастерскую, выбил, вытащил ножи из фуганков с шерхебелями, вынул свёрла из коловоротов и дрелей?!

Углы губ скорбно опущены, детский подбородок воинственно вздёрнут.

Бояться вроде нечего, справедливый завуч, нравочений не читает, голоса не повышает. Да и его группа — лучшая в спецшколе, никаких нарушений: ребята уже два месяца заняты по горло — выпиливают, вырезают, паяют детали самолёта. А вот приходится признать: боится он Киру, ёжится под её взглядом, трусит отпроситься. А отпроситься нужно — помочь ребятам. Да ещё сегодня встреча с одноклассниками.

— Всякое бывало за десять лет, что скрывать, — говорит ему Кира Софроновна. — И с крыш кидали в нас камнями, и мебель разбивали.

— Про резню забыли! — вставляет Регина.

Теперь Кира «сцепилась» взглядом с Региной, не разорвёшь.

Через верхнюю губу Регины — шрам. Прыгала с парашюта, напоролась на ветку. Когда на Регину смотрят, она розовеет, как под солнцем, а шрам белеет.

— Вы ещё вспомните об извращениях, Регина Фёдоровна! С преступниками работаем, не с тепличными детьми. А неожиданность это для меня потому, что ребята любят мастерскую, раз, заказчики довольны их мебелью, два. Украли бы инструменты, ясно, зачем: продали, пропили, обменяли на сигареты. А здесь, Регина Фёдоровна, похоже на бунт!

— Вот и надо действовать методом исключения. Многие группы не работают в этой мастерской вовсе, зачем им бунтовать?

Ничего словами не сказано, а ведь между ними — вражда. Ни та, ни другая не упускают случая куснуть друг друга.

Как же ему сбежать с педсовета, внезапного и порушившего планы?

Ребята на дверь поглядывают, когда он придёт? Сегодня торжественный момент — окончание сборки! Самолётище три метра в длину! Скорее бы доделать и запустить его! А тут сиди, слушай всякую ахиною, к которой и отношения-то никакого не имеешь. И Павел не выдерживает:

— Кира Софроновна, ну, зачем моим ребятам хулиганить в столярке, если они там не работают? Отпустите меня, пожалуйста.

— И меня!

— И мои не работают в столярке.

Регина Фёдоровна засмеялась.

— Видите, Кира Софроновна, если сузим круг предполагаемых...

— Вы бы помолчали! Вы хоть раз просидели в школе до вечера? Дали свой урок, и скорее домой! А ведь для нас, воспитателей, только после занятий и начинается работа, все беды в это время. Ума не приложу, кто, как и когда мог проникнуть в мастерскую?!

Мастер Шар, так зовут ребята и взрослые заведующего столярной мастерской, чувствует себя именинником: улыбается, крутит большой, круглой головой с ёжиком волос, поглядывает на всех с победной радостью.

— Если бы вы, Регина Фёдоровна, больше общались с ребятами и разбирались в их психологии, сразу поняли бы: тот, кто работает в мастерской, не станет безобразничать.

Словно в фокусе, люди собраны в одно целое. Валя, его напарница, с прозрачными, испуганными глазами, невозмутимый директор Семён Трофимович, похожий на испанца (глаза — угли, чёрные волосы шапкой), упрямо удерживающая их всех на месте Кира, старший воспитатель, Василий Петрович, готовый исполнить любое её приказание.

— Зато вы, Кира Софроновна, прекрасно разбираетесь в психологии, используя подручные средства...

О чём они? Чего воюют? Обе красивые, умны.

Честно говоря, Павлу вообще все женщины кажутся красавицами и умными. Но самая красивая и умная, конечно, Анка.

С Анкой познакомился на пляже.

Спят река и небо, орут транзисторы, сталкиваются несогласованные мелодии. Волейбол, песни, акробатика — пляжная жизнь. И вдруг Анка. До колен окутанная волосами. Отжимает их, сушит на лёгком ветру.

Сам от себя такого не ожидал: пошёл к ней через разморённые тела и транзисторы, взял за руку, потянул в воду. Ониплыли. А за ними следом плыли Анкины волосы, не успевшие просушиться.

— Повторяю, это не воровство, — тревожно говорит Кира Софроновна, — это бунт против Вениамина Авивовича, так я понимаю дело.

— Сразу бунт?! — ехидный голос Регины Фёдоровны. — Обыкновенное баловство. Интересно же! И не просто, наверное, выбивать железки. Спорт!

— Я бы вам, Регина Фёдоровна, посоветовала, прежде чем что-либо утверждать, проанализировать ситуацию. Представьте себе, вы объявляете сочинение, а ребята, все до одного, вынимают стержни, не будут, значит, писать. Как вы расцените подобный акт? Баловство или бунт против вас?

— Это невозможно! — усмехается Регина Фёдоровна, и вдруг — скрежет, будто по стеклу ножом проводит: — Они не могут мне устроить такое, вы это знаете великолепно!

— Времени нет, — снова не выдерживает Павел. — Отпустите тех, кто не при чём, и выясняйте отношения!

Может, потому Кира, одинокая женщина строгих правил, невзлюбила Регину, что у Регины с директором, по слухам, роман?

— Ага, поняли, это бунт! Изощрённый протест, — не услышала Павла Кира. Говорит она спокойно, но тонкие ноздри её красивого носа подрагивают.

Семён Трофимович похож на артиста. Он не встаёт, а легко воспаряет над ними и каждому в глаза заглядывает и, молчальник, выдаёт целую речь:

— Призываю вас серьёзно отнестись к создавшейся ситуации! Каждый час мы теряем большие деньги, срываем срок сдачи мебели. Пока закупим новые инструменты... Прислушайтесь, пожалуйста, к соображениям Киры Софроновны, это наши общие соображения, и помогите ей.

Да, волынка надолго, ребята закончат без него. А как ему хотелось ввинтить последнюю гайку вместе с ними и увидеть наконец самолёт во всём его великолепии! С детства мечтал сделать такой. Только детство было сибирское, лесное, отрезанное от центров и магазинов, в которых можно было бы купить детали самолёта. Делали из бумаги, из фанеры, но ни один их самодельный планер не полетел. Руки зудят, сам бы сейчас приладил крылья, вложил бы в брюхо самолёта мотор.

Не самолёт нужен ему, ребячьи лица, расплывшиеся в глупых улыбках.

Васюк бьёт ладонями по столу, как заяц по барабану, оркестр изображает; командир группы, Эдик Солнцев, делает вид, что к нему самолёт отношения не имеет, но загнать самодовольство внутрь не получается: своими руками смастерили!

— То, что обсуждается здесь, к сожалению, касается всех. Уйти нельзя никому, — Кира поворачивается к Шару. — Помните, пожалуйста, Вениамин Авивович, не возникало ли у вас конфликтов с ребятами?

Говорят, Шар прошёл войну. Говорят, у него орден есть. Но не верится, уж очень он тучен, рыхл и медлителен.

Шар добродушно улыбается. А не встаёт, наверное, тяжело поднять свои сто килограммов, отвечает с места:

— По-обыкновенному всё. Завсегда работаем так. Они делают дело, я проверяю.

Шар — человек новый, в школе совсем недавно, года не будет. Всегда улыбается, никого не задевает.

— Подумайте хорошенько, — настаивает Кира Софроновна. — Может, всё-таки было что-то, а вы просто забыли?

— Чего мне думать? Они делают своё дело, я проверяю.

— Я не собирала бы вас так экстренно и сама постепенно всё распутала бы, но детский дом ждёт мебель. Дело, конечно, не только в мебели, чувствую, здесь есть обиженные.

— Ты, Кира Софроновна, раньше времени не паникуй! — У Василия Петровича щека обожжена, одно плечо вздёрнуто, вот кто войну прошёл, сразу видно. — Я с тобой пережил трёх директоров и двух завучей по воспитательной работе, так? Сама говорила, и похуже бывало у нас с тобой. Помнишь, громили школу! И справились ведь мы, так? Если ножи в школе, найдём. Помнишь, во время «Зарницы» у Семёна Трофимовича украли часы. Нашли же! Ты, Кира Софроновна, успокойся и не спеши. Я знаю пару тайников. В стене мастерской вынимаются кирпичи, это один, а второй — в углу сада, под малиной, в глубокой яме. Сейчас она снегом завалена, значит, отпадает.

Павел не выдержал:

— При чём здесь тайники? Регина Фёдоровна верно говорила, те, кто в столярке не занимаются, автоматически отпадают, чего им бунтовать, откуда взяться конфликту с преподавателем, если они там не бывают?

— В том-то и дело, Павел, речь не о конфликте. Если бы был какой конфликт, я бы первая знала.

— Уж это конечно! — крикнула Регина.

— Вот и я говорю, какой со мной конфликт? — улыбается Шар. — Они работают, я смотрю, всё чин по чину. У меня порядок, как положено, никакой самодеятельности. — Интерес к происходящему сияет на лице Шара, всем своим тучным телом он разворачивается к говорящему, широкой рукой приглаживает лысину, словно у него волосы растрепались.

Крылья уже, наверное, приделали, осталось вложить мотор.

Звенит звонок. Кончилось свободное время. Сколько же они прозаседали? Через несколько минут зал запрут и до завтрашнего дня Павел не увидит, что ребята успели сделать сегодня.

— Прошу вас, товарищи, поговорить с командирами, с ребятами, разобраться в их настроении. О своих наблюдениях, о своих предположениях сразу же ставьте меня в известность. Ведите группы на ужин. Уж простите меня те, кого пришлось вызвать в свободный день. Поверьте, случившееся имеет отношение к каждому из вас.

Все заспешили к выходу, а Павел не вскочил и не побежал, продолжал сидеть.

Пока учился в педагогическом, пока после института несколько лет работал в журнале «Школа», был доволен собой. И вдруг сорвался из тихого журнала сюда — захотел работать с трудными подростками.

Не вдруг. Почему сорвался? Это всё из-за того сна. Сон повторялся, один и тот же. Сначала был не сон.

Сначала была Женя. Она совсем не похожа на Анку. Льняная, с белыми ресницами, коротко стриженная, высокая, как он. Глаза светло-зелёные, цвета молодой травы. Ни у кого больше не видел таких глаз.

Женя жила в Павловой памяти всегда с книжкой в руках, строгая, в тёмном платье с высоким воротником. Из-за Жени он прыгнул с моста в самом опасном месте.

Он стоял на мосту и смотрел, как бурлит вода, переваливаясь через искусственную плотину, как она небольшим водопадом срывается в глубину и дальше уходит от Павла, медленная, широкая. Боковым зрением Павел увидел, на мост ступила Женя, перемахнул через невысокие перила, ощущая каждую мышцу, и полетел в воду. За ним кинулся Женин отчаянный крик.

Павел не мог утонуть в ту минуту. Резким рывком вырвал себя из ледяной глубины, отплёвываясь водой и воздухом, брасом рванул к берегу, к началу моста.

Женя стояла в солнечном свете, прижав руки к груди, белая, как её волосы.

— Дурак! — встретила она его. Но её «дурак» прозвучало необходимо.

— Полюби меня! — сказал он ей, не думая о том, как он нелеп сейчас, в прилипшем к телу костюме. С него текла вода, тянула вниз.

Очень серьёзно Женя ответила:

— Никак не могу. Я люблю Кирилла. Если бы не Кирилл, честное слово, я полюбила бы тебя. Пойдём сохнуть ко мне, — предложила она. — У нас печка горячая.

По какой-то причине Женя встречаться с Кириллом перестала. Павел никогда не спросил ни того, ни другого, почему. И Женя пришла к нему сама. Они читали вместе книжки, слушали музыку, бродили ночью по городу.

В одну из душевных июльских ночей никак не могли расстаться, плутали по улицам, будто кто водил их. Слова толклись смелые, а на язык не попадали.

Откуда взялись те трое? Вынырнули из-под земли.

— Эй, кавалер, дай закурить!

— Дамочка, не отворачивайся. Мы не хуже твоего кавалера, сейчас докажем тебе.

Сон. Сначала наяву. Но так наяву быть не можете.

Лица не разглядел. В светлеющее пятно, ухмыляющееся, вспыхивающее сигаретой, двинул со всей силы кулаком, ногой саданул в мягкий живот, а потом уже слепо замолотил куда попало. Бил, пока не рухнул без сознания.

Чудо спасло. Такие же, как они с Женей, гулёны шли, не побоялись, кинулись на помощь, одного из трёх схватили.

Больница, суд. Они уже сидели, эти трое, которые сломали в одну минуту ему жизнь, повернули в другое русло.

Он не дотронулся до Жени ни разу, а они... озверев из-за того, что она стала драться, пытаясь защитить Павла, топтали её, повредили позвоночник.

Они оба выжили: чудо спасло их.

Но та драка словно стену возвела между ним и Женей — ни перелезть, ни сжечь, ни дверь пробить. Выздоровела Женя, а встречаться с ним не захотела, хотя он не представлял себе жизни без неё, объяснялся ей в любви, просил её выйти за него замуж. Почему порвала с ним? Ни понять, ни объяснить.

Сон повторяется. Глаза цвета молодой травы. Лица убийц их любви на суде.

Завсектором ГОРОНО — человек немолодой, а смотрит на тебя мальчишка.

— Садитесь, — пригласил Павла к столу. — Хоть знаете, что такое спецшкола для малолетних преступников? — спросил. — Вижу, не знаете. Конечно, это не спец ГПТУ, где собраны убийцы, садисты, но от спецшколы до спец ГПТУ один шаг, и здесь дети — по-

тенциальные убийцы, ну, и, конечно, бродяги, воры. Допустим, наладите дисциплину, они будут перед вами тихие. А ведь притворятся! Они — народ ушлый, знают, где, с кем, как вести себя, ещё и такими овечками прикинутся, чтобы вы пожалели их! Вы должны преодолеть в них их родителей, как правило, пьяниц, преступников, их приятелей, как правило, старших воров и убийц, должны изменить в них их представления о жизни, — завсектором закурил, протянул сигареты Павлу.

— Спасибо, не курю.

— Это хорошо, с чистой совестью будете бороться против курения, пацаны-то все курят!

— Вы меня вроде как отговариваете? — спросил Павел.

— Ни в коем разе. Хочу, чтобы шли на передний край с открытыми глазами. Дело-то, Павел Ефимович, серьёзное. Вы один отвечаете за Ваших ребят. Режимники, охраняющие порядок, — люди наёмные, случайные, не обучались ни в каких институтах, не изучали психологий и педагогик, могут и напортить, не жди от них помощи. Ну что будете делать, если ребята порасшибают друг другу башки или, например, уворуют у вас ваши часы и пропьют? А если они сбегут? Может, лучше сначала поработаете в обычной школе, поднаберётесь опыта?

И вдруг Павел понял, завсектором нарочно сгущает краски, дразнит его, заводит.

— Не к чему об этом, — сказал обиженно. — Что ж, они не понимают русского языка, что ли? Что ж, не люди они? Если я с ними по-хорошему, что же они?..

— Ишь, храбрый! — завсектором рассмеялся. — Давай, иди, приветствую.

Школа большая, пять этажей. Пятый — спальни на шесть-восемь человек, двери сняты, в коридоре свет и всю ночь ходят режимники. Четвёртый этаж — домашние комнаты для самоподготовки и отдыха. Второй, третий — классы, первый — столовая, залы, спортивный и актовый. Есть ещё здание административное. В школе чисто. Кормят вкусно.

Павлу передали группу, в которой год проработал Василий Петрович. Ребята как ребята, баскетбол с футболом любят, вопросы задавать любят, в них Павел узнал себя-мальчишку, ничего патологического. Ясное дело, дразнил его зав. сектором. Ну, угрюмый немного. Будешь угрюмым, игрушек сроду не видели, праздников семейных не видели, не любил их никто, почти ни у кого нет отцов, матери — пьяницы. А он будет любить их! Он научит их книжки читать.

С первым новеньким встретился в саду, ребята делали грядки. Высокий, крепкий парень на Павла не смотрел, ногой поддавал песок.

— Как тебя зовут? — спросил Павел.

— Я — таракан.

— Как «таракан»?

— Таракан, — угрюмо повторил парень.

— Сколько тебе лет?

— Скоро пятнадцать. Одиннадцать раз уходил из интерната и от вас убегу, — зло сказал, словно Павел — его первейший враг. — Я сам сделал бомбу, хотел взорвать школу, — парень сплюнул сквозь зубы длинным кручёным плевком. — Не получилось, загорелся всего один стол. Ненавижу вас всех.

— Ненавидишь всех взрослых? — уточнил Павел. — Или только учителей?

— Их. Забыли сами, какие были, отшибло память. — У парня по щеке ходят желваки.

— Не дёргайся! Чего дёргаешься? Я думаю, тебе просто сильно не повезло. Ты сказал «таракан». Какой же ты «таракан»? Тараканьих усов у тебя нет, ходишь на двух ногах, говорить умеешь. У тебя есть имя-фамилия?

— Ну, — зло буркнул парень.

— Что «ну»? Как тебя зовут?

— Эдик Солнцев.

— Красивое имя, красивая фамилия. Ты чего любишь делать?

— Бегать.

Павел не понял.

— Чего?

— Чего, чего... наперегонки бегать, вот чего. Кто проиграет, рупь.

— На рупь — нет, а просто так побежишь? Кто первый до забора, хочешь, Эдик Солнцев? — Надо же, какое детское развлечение у пятнадцатилетнего парня! — Я всего несколько дней назад пришёл сюда работать, так же, как ты, ничего здесь не знаю, ни одного человека пока не обидел. За что же ты меня ненавидишь? Я с тобой, как со взрослым, разговариваю. Может, ты наврал, что бегать умеешь? — Парень дёрнулся. — Умеешь, понятно. С приятелем побежал бы?

Парень сплёвывает сквозь зубы.

— Ладно.

Они встают рядом, примеривают нога к ноге. На одной черте, плечо к плечу.

— Старт!

Эдик сразу вырывается вперёд. Бежит сначала стремительно, а через несколько метров как бы спотыкается, замедляет бег, чуть теряет скорость, снова бросок вперёд, снова — потеря скорости. Значит, нужно набрать темп и на мгновение оказаться рядом с Эдиком.

Эдик чуть впереди, но до забора ещё далеко, спешить некуда, пусть парень поверит в свою победу.

В одно из Эдикиных торможений Павел поравнялся с ним. И сразу вырвался вперёд.

Забор. Пиками ёлки.

— Силён! — уважительно сказал Эдик. — Меня ещё никто не обставлял. — Эдик почти не запыхался, стоял перед Павлом боком, искоса поглядывая на него.

— Ты в глаза-то умеешь смотреть?

Эдик не ответил.

— Книжки любишь читать?

Зевнуть Эдик не зевнул, но физиономия такая, сейчас зевнёт.

— А что ты, кроме «бегать», любишь?

— Мало ли.

— Чего валяешь дурака? Я спрашиваю, какие у тебя интересы? Я волшебник, исполняю желания.

Эдик вдруг повернулся к Павлу, прищёлкнул языком, потёр руки одна о другую.

— Не врешь? — спросил недоверчиво. — Достань гитару. Хочу научиться играть на гитаре.

Обзвонил школьных, институтских приятелей, гитару достал. И самоучитель достал. Вручил Эдику, а вечером, в тот же день, Эдик подошёл.

— На, — сказал.

— Что это?

— Бычки, — сказал Эдик.

— Зачем мне «бычки»?

— Не нужны? — удивился Эдик.

— Я не курю.

Эдик, недоумённый, отошёл.

Павел принёс Эдику «Овода».

Уроков в этот день Эдик учить не стал, читал, ночью перелёг головой к дверному проёму и читал. На зарядку не вышел — дочитывал.

Сплошные нарушения режима, но Павел не заметил их. После завтрака Эдик принёс книгу. Глаза — красные.

— Ну? — спросил Павел.

— Ну, ну! — закричал Эдик. — Чего «ну»? Чего пристал? «Ну», «ну»! — повернулся и пошёл.

Несколько дней был угрюм, ни с кем не разговаривал. Уроки делал, на зарядку ходил, полы мыл — всё, как полагается. Подошёл, когда Павел не ждал, перед сном. Павел спешил на последний автобус.

— Ещё дай! — сказал Эдик.

— Что? — не понял Павел.

— Ещё раз буду читать. Запомнил не всё, — и взглянул прямо, взгляд во взгляд. Светло-коричневые детские глаза.

В новом году ребята избрали Эдика командиром. И большую часть работы с группой Эдик взял на себя. «Я проведу уборку, идите!», «Я уложу ребят, делайте свои дела!» Словно подзаводили теперь Эдика: с утра до вечера не присядет. В нём проснулась инициатива: «Давайте устроим соревнования», «Давайте выпустим юмористическую газету, я умею рисовать крокодила».

— Почему именно крокодила? — удивился Павел.

— Я видел в киоске журнал «Крокодил». Там юмор.

В этой группе Павел первые стихи прочитал — про майора Деева. Читал громко, рубил слова, точно шашкой размахивал: «Такая уж поговорка у майора была...»

В другой раз принёс «Сына полка».

Прочитал им «Ваньку» Чехова.

Рассказ за рассказом, поэма за поэмой.

С лиц сходила угрюмость, как грязь, слоями. Под угрюмостью жили нормальные человеческие чувства — любопытство, сочувствие героям.

Павел так и думал, заведующий зря пугал: малолетние преступники — обыкновенные мальчишки. Им нравится лазить по шведской лестнице и бороться, нравится устраивать «огоньки», нравится петь песни под Эдикину гитару, нравится читать книжки и жечь костёр.

— Эдик, надо поговорить.

Ребята снова в саду, собирают помидоры. Эдик выпрямляется, отряхивает руки, идёт к Павлу. Садятся в беседке. Лавки кругом, стол, на столе — «Мурзилка», шашки, домино.

— Ты знаешь устройство человека? — спрашивает Павел.

— Ну?

— Опять «ну». Мы дышим лёгкими. Тот, кто курит, убивает свои лёгкие и умирает гораздо раньше, чем тот, кто не курит.

Чего молчишь? Будешь помогать? Надо, чтобы все бросили курить.

— Не буду, — твёрдо говорит Эдик. — Не проживу без курева.

— А как же воля? Ты мужик или тряпка? «Не проживу»! Ишь! Ты с куревом мало проживёшь. Ладно. Это один вопрос. Второй. Учёба началась, я проверил каждого, многие не умеют читать. Нужно учить.

— Буду! Я читаю бегло.

— Ты один не справишься. Сначала нужно узнать, что кому интересно, и подсунуть хорошую книжку.

Эдик — бессменный командир их группы. Сомнения, вопросы — прежде всего к Эдику. Без Эдика тяжёлый штурм целины — с учёбой, с курением, с чтением Павел не провёл бы. Группа стала лучшей в школе. Полтора года Павел был очень доволен собой.

Почему же сейчас, после этого педсовета, так беспокойно? Словно бежал, бежал и остановился: отодвинулись далеко и вечер встречи с одноклассниками и самолёт. Сидит один в полутёмной учительской. А правда, кому понадобилось портить инструменты? Что происходит в школе?

— Ты уснул? Мне к ребятам пора, но сначала хочу спросить...

Валя на педсоветах молчит, а с ребятами, с каждым, у неё свой секрет. Знает, кто о ком скучает, какие кто видит сны. Валя смотрит Павлу в рот: что Павел скажет, то она и сделает. Длинная, тонкая, подвижная, в баскетбол и в волейбол играет почти так же хорошо, как он. Бегает легко, быстро.

— Ты уверен, что наши не при чём? — спрашивает. — Вчера, мне уходить, а ребята возбуждены. Солнцева спросила, что с ними, рассказал историю про какого-то папуаса. Домой пришла, принялась стирать Андрюшины вещи, только тогда подумала: при чём тут папуас? Заговаривал мне зубы, не иначе. Ты, Паша, думай скорее, если это наши, что тогда будет? Я боюсь.

Павел мягко повернул Валю к окну.

— Смотри, сколько напало снега, а мы ни одной фигуры в этом году, ни одного зверя не слепили. Давай завтра воздвигнем богатыря у входа в школу. А может, пусть каждый лепит, что захочет, за лучшую «скульптуру» приз! Представляешь, вдоль забора — богатыри! Или слоны. Или медведи. Правда, здорово?

— Подожди, Паша, ребята — одни, мне надо идти. Ты уверен, что они не при чём?

— Абсолютно. Им осталось здесь жить несколько месяцев. Какой дурак захочет продлить свой срок? И нас они не станут под-

водить. Успокойся, беги в группу. Мало ли почему возбудились? Скоро «Огонёк» с девушками из педучилища! Разве не причина? «Республику Шкид» завтра крутят в кино, разве не причина? — Павел вышел из учительской вместе с Валей. — Самолёт сделали — причина! Ну, до завтра, опаздываю, у меня сегодня встреча с одноклассниками.

В раздевалке уже никого. Павел оделся, застегнул все пуговицы, нахлобучил шапку, двинулся к выходу. Но, не дойдя, вернулся, разделся, аккуратно повесил пальто.

«Абсолютно», — передразнил себя.

Коридор, лестница на второй этаж. Кабинет Киры Софроновны. Павел приоткрыл дверь.

— Можно?

— Ты что вернулся? Ты же спешил!

Из Москвы, из Сибири, с Севера — отовсюду собрались в этой школе учителя. На краю леса незаметная точка земного шара — школа, возвращающая детям детство. Яркие лампочки зажжены в классах, в коридорах, в столовой. Двор освещают сильные прожектора, и ночью светло, как днём. Этот свет заливает кабинет, под светом — золотистая голова Киры Софроновны.

— Я посижу, можно?

В первый раз Павел пришёл сюда.

Кира Софроновна всех по сто раз вызывает к себе: то не так, это не так, почти никогда не бывает довольна. А его не вызывает, умразуму не учит, замечаний не делает, в его дела не лезет. Почему? До сегодняшнего педсовета был уверен — потому, что хорошо работает.

Зачем сюда пришёл, сам не знает. Что-то случилось, он чего-то не может понять.

— Будешь мешать. Я должна разобраться, для этого нужно оставаться с дитёнком наедине, иначе не доверится. — Но тут же перебила себя: — Ладно, сиди, вот тебе книга.

В кабинет вошёл тощий невысокий мальчик. Короткий ёжик волос, нездоровая бледная кожа, бледные губы.

— Здравствуй, Петя Кузьмин. Ты давно у нас?

Кузьмин не смотрит на Киру Софроновну.

— Два месяца.

— Из дому тебе пишут? Почему молчишь? Кто у тебя остался дома?

— Некому. Бабушка неграмотная.

— А родители есть?

Снова долгая тишина. Снова тихий выдох:

— Мать сидит.

— Я была в отпуске, — поспешно говорит Кира Софронова, — не успела познакомиться с тобой. Знаю про тебя немного: тебе двенадцать лет, ты не хотел учиться, ты не спросил разрешения войти в кабинет и не поздоровался, — Кира Софронова улыбается. — Тебе нравится в школе?

— Сыт, — угрюмо буркнул мальчик.

Ни звука не донесётся из-за окна, похоже, снег погрёб под собой всё живое.

Тайна живёт в кабинете. Кира Софроновна знает то, чего не знает ещё он, Павел. Нарочно молчит, чтобы и Петя Кузьмин и он послушали тишину?

Чего он не понимает?

Полтора года всё удавалось. Ребята наперегонки выполняли его просьбы. Первое место по учёбе. Первое место по работе в зеленхозе и в мастерских. Первое место в самодеятельности. У него есть жена Анка и дочка Корюшка, трёх лет. В тёплом доме с голубыми занавесками ждут его. Проклятый педсовет, выбил из благодушия и самодовольства, как из-под тёплого душа на мороз.

— Тебя обижают в школе? — тихий вопрос.

— Нет, — тихий ответ.

— С уроками справляешься?

— Справляюсь.

Мальчик смотрит в пол.

Яркий свет со двора. Павел не понимает, что здесь происходит.

— Это ты вытащил свёрла, железки из инструментов и взял себе, Петя Кузьмин?! — вдруг жёсткий голос.

Дёрнул неуклюже острым плечом мальчик, вскинул светлые кустики бровей.

— Не взял! — крикнул тонким голосом. — Нет.

— Взял, — уверенно говорит Кира Софроновна. Павел удивлённо переводит взгляд с одного на другого — значит, она с самого начала знала?! — Только не пойму, зачем? Говоришь, сыт. Не обижал тебя никто. Разве они нужны тебе? Расскажи. Чем выбивал железки? Как додумался до такого? — После долгой паузы: — А ну, подойди поближе.

Словно на ходулях, неопытным шагом, подошёл, голову втянул в себя, как улитка, точно ударят его сейчас.

— Били?! —

Снова неуклюже дёрнулось плечо.

— Били. — От Киры Софроновны остался только голос, и он раздражает Павла, будто водят по стеклу ножом. — Заставили тебя.

Ты не хотел, но ты привык подчиняться. — Внезапно её голос из жёсткого превратился в Анкин, когда Анка говорит с Корюшкой. — Я знаю, ты хочешь справедливости. Хочешь жить в чистоте. Ты соскучился по дому, по бабушке. Говори, кто бил?

Мальчик сначала тихо, потом всё громче начинает всхлипывать.

— Смотри, какой ты красивый, — нежно говорит Кира Софроновна, — какой симпатичный, — и даже Павел верит в её искренность, в её любовь к Пете Кузьмину. — Глаза у тебя честные. Я знаю, ты хочешь стать человеком. Ты самый честный из новеньких. Говори, кто бил?

— Тишко, — сквозь слёзы тихо произносит мальчик.

— Ещё?

— Квитко.

— Ещё?

— Пигулевский.

Павел ёжится, по спине ползёт ледяная струя.

— Петя, бабушка приезжала уже к тебе?

Мальчик согнулся (шея из ворота рубашки выглядывает тощая, грязная). Отчаянно, на одном вздохе говорит:

— Старая, не принесёт воды.

— Выпрямись, Петя. Нужно уважать себя, понимаешь? — Кира Софроновна гладит мальчика по спине, приподнимает его голову, говорит ласково: — Если кто обидит, приходи ко мне. Защищу. Становись поскорее человеком и поедешь к бабушке, помогать. Пишешь ей? — Мальчик кивнул. — Молодец. Нужно жалеть бабушку. Напиши соседям, попроси приносить ей воду. А ты поможешь им, когда вернёшься. Так и напиши. — Крупные слёзы капают на пол. — Ну, успокойся, хватит, это совсем не годится. Сильно побили тебя? — Он кивнул. — Не знаешь, зачем они сделали это?

— Не знаю, — сквозь зубы пробормотал мальчик.

— Где спрятаны, знаешь?

Петя замотал головой.

— Ну, иди в группу. Если что нужно, придёшь.

Яркий свет слепит. Волосы Киры Софроновны светятся под ним золотые. Кира Софроновна поворачивается к Павлу, а он опускает глаза.

— Видишь, каковы? Используют слабого, забитого. — Она листает бумаги. — Послушай его личное дело. «Мать пьёт с компаниями, её пьяные любовники дерутся, избивают до потери сознания Петю и бабуку. Бабка часто болеет. Дома антисанитарные условия, мальчик в школу приходит голодный, грязный, в кровоподтёках».

Спросить бы Киру Софроновну, почему именно Петю вызвала, откуда взяла, что именно Петя расскажет? Но Павел нем.

— Теперь остаётся выяснить, куда дели? — Она поднимает трубку. — Пригласите, пожалуйста, Тишко.

Выдержать ещё один подобный разговор Павел не может, но и уйти не может, он точно прилип к стулу.

Павел не любит ябедничества.

Совсем ещё был пацан, прибежал к отцу жаловаться на приятеля, зачем приятель отнял у него тушку птицы, которую Павел набил опилками. Отец болезненно сморщился. «А ты, оказывается, ябеда, — сказал. — Сам не можешь разобраться? Не по-мужски. Никогда никого нельзя предавать. Лучше перестрадать лишнее». Павел ни слова не понял из того, о чём говорил отец, понял только то, что отец не доволен им, а слово отца с детства для Павла было самым главным. И на химкомбинате, и соседи уважали отца, говорили, что страдает он незаслуженно, шли к нему за советом и «поплакаться в жилетку». Поэтому Павел бросился от отца стремглав и бежал до тех пор, пока не очутился над обрывом. Под ним гудит Сосьва, беспокойный, красивый приток Иртыша. Вода вспенивается, поднимается высоко, ближе, ближе к Павлу, рушится вниз, снова поднимается. Это тает снег на Уральских горах. Завтра затопит их посёлок: улицы, огороды, дворы, садики, к баракам вода подберётся, зальёт погребя.

И чего отец так расстроился? Подумаешь, пожаловался!

Но у истока половодья, на краю большой воды, понял, отец прав, нельзя свои дела ни на кого перекладывать.

— Первый этап: вернуть ножи и не сорвать сдачу мебели детдому, — говорит ему Кира Софроновна. — Второй: выяснить причину бунта.

Как будто так и надо, Кира Софроновна спокойна. Может, вовсе и не ябедничал Петя Кузьмин? Кому ещё ему выплакать обиду, у кого просить защиты? Разве такой справится с большими ребятами? Или всю жизнь должен быть бит и терпеть?

И зачем тогда взрослые? А самый чуткий взрослый никогда не догадается о том, что происходит в душе ребёнка. Единственный путь — заставить ребёнка заговорить.

— Здравствуйте! — Рослый парень уверенно прошёл сразу к столу Киры Софроновны. Руки в карманах. Чуть шурится. Широкие плечи, тёмные глаза, светлые волосы.

Кира Софроновна склонилась над книгой.

— Здравствуйте! — повторяет парень чуть тише, чем в первый раз. Улыбка сменяется удивлением. В глубоком молчании вынимает руки из карманов, выпрямляется. — Ну, пошёл. — Тишко сделал шаг назад, к двери, шагнул вперёд, отошёл в сторону, снова к двери и застыл, сбитый с толку.

Кира Софроновна листает книгу. Павлу неловко, будто это ему не отвечают. Какая сила в молчании! А он так с ребятами не умеет.

Тишко оглянулся за помощью к Павлу, переступил ногами.

— Где спрятал ножи от фуганков и рубанков, свёрла из дре-лей? — врасплох ухватила его взглядом Кира Софроновна.

Тишко заморгал.

— Не я. Я не при чём.

Может, секундное замешательство, в другой раз и не заметил бы, а тут заметил: была пауза, никуда не деться!

— Я тебя не тянула за язык, верно? Ты сам говорил, хочешь быть человеком, жалеешь о потерянных годах учёбы. Говорил? А что такое быть человеком? Первая заповедь: не лги. Если не ты, кто?

— Откуда я знаю? — вернулся в уверенность Тишко. — Я не брал. И ничего не слышал... Как могу знать, кто взял?

— Я думала, ты серьёзный человек, Тишко. Я думала, тебе можно верить, говорю, как со взрослым, а ты играешь в детсад. Попробую объяснить. Делаем сиротам столы и стулья. Пропали инструменты — сорваны сроки. А ещё это твой первый собственный труд. Уходя из школы, получишь честные деньги. Ты сам у себя украл инструмент и теперь не сумеешь заработать. Понимаешь, о чём толкую, или не понимаешь?

Тишко отвернулся и зевнул.

Чего Кира Софроновна так волнуется? Почему парень нарочито равнодушен? Виноват, нет?

— Помогите мне, Валера, — Кира Софроновна словно не заметила его демонстративного зевка, встала, подошла к нему. — Ну-ка, посмотри мне в глаза. Молодец. Допустим, ты не знаешь, кто это сделал, но ребята скорее скажут тебе, чем мне. Попроси их подбросить то, что они вытащили. Мы не закрём сегодня мастерскую. Очень прошу, помогите. Если бы ты знал, какое большое дело сделаешь для всей школы! И лично для себя. Я очень надеюсь на тебя.

Валера улыбнулся.

— Почему не помочь? Не обещаю, но попробую. — Он снова сунул руки в карманы, пошёл из кабинета, весело крикнул: — До свидания.

Сейчас засвистит!

Без сил опустила Кира Софроновна на стул, утёрла платком лицо.

Восхищаться или негодовать? В том, что ножи и свёрла сегодня вернутся в мастерскую, сомнения нет. Только почему так скверно на душе?

— Чего вскочил? Бежать собрался? Хочешь понюхать настоящего пороху? Здесь не будет курорта. У Тишко крепкие зубы, видал виды. Пока он только принохивается. Фуганки — разминка. Всего тринадцать лет, а дашь все шестнадцать, любого ровесника прибьёт одной левой. Возьми ребят себе, Павел!

— Кого? Этих? А моя группа? Я же скоро выпускаю их!

— Не хочешь, не надо! — Она зевнула совсем как Тишко, отвернулась к залитому молочным светом окну. — Я думала, ты хочешь, чтобы интересно... Среди новеньких есть ещё занятный экземпляр. Пигулевский и Тишко освоятся окончательно и возьмутся разносить школу. Интересно же, кто кого: мы их или они нас? А твой «курорт» попросим выпустить Василия Петровича. Зачем тебе «курорт»?

— Между прочим, — перебил её Павел, — я своими руками создал этот «курорт». Столько сил...

Кира Софроновна захохотала.

— Что вы? Не понимаю.

— Наивный ты человек! Ну, ладно, пора домой, уже начало десятого. Как хочешь, Паша, я думала, ты любишь преодолевать трудности. А к своей группе ходил бы в гости.

— Не хочу в гости. С Солнцевым расставаться не хочу. Тишко мне не нравится. Кузьмин не нравится. И ваш Пигулевский наверняка не понравится. Без Вали не хочу работать.

— Зачем без Вали? С Валею перейдёшь. Зачем без Солнцева? Созову совет командиров, он направит твоего Солнцева в новую группу. Себя узнаешь, на что ты способен, Солнцева узнаешь, на что он способен. Конечно, с хорошими ребятами работать легко, а кто будет возиться с трудными? — Какие синие у неё глаза! — Не хочешь, не надо. Я не принуждаю тебя, дело добровольное.

ПАВЕЛ

Самолёт полетел! Такого праздника в школе ещё не было: высыпали ребята всех групп, кричали, свистели, приставали к своим воспитателям — делать такой же!

Не стыдно выйти на городские соревнования.

— Не буду командиром ни у себя, ни у мелюзги! — Сужены Эдикины глаза, на щеках пятна.

— Разве тебе не хочется понять, кто ты есть? Это будет первое твоё серьёзное дело в жизни! «Не буду» не аргумент. Может, поделишься со мной своими соображениями, почему?

Крутая и высокая гора срывалась к Сосьве.

Санки сделали сами. С Кирюхой и дядей Васей. Полозья оковали железом. Таких санок не купишь нигде ни за какие деньги: на них спокойно усаживались вчетвером!

Ледяным ветром заткнут рот, без дыхания, без мыслей, без жизни вокруг.

Отвесная гора детства — главный учитель. На дикой скорости Павел несётся вниз!

Сейчас тоже рот заткнут ветром.

Может, в самом деле не так всё хорошо в его группе, и он вовсе не знает ребят? Прищурены глаза, жёстки губы. Что скрывает Эдик, почему не откровенен с ним? А Кузьмин и Тишко откровенны с Кирой Софроновой в первую же встречу!

— Папа, идём гулять! — встречает его дочь.

Через несколько минут они — в парке. Карина едет на санках, обнимает куклу, для февральского мороза одетую легкомысленно — в белое, летнее платье, и поёт:

*Раз иголка,
Два иголка,
Будет ёлочка...*

Анка идёт медленно. Живот у неё совсем не такой, как с Коюшкой, гораздо больше. Ребёнок в нём беспокойный — ни спать, ни есть Анке не даёт. Единственное, что любит, это гулять, успокаивается, лежит тихо, лишь тяжестью давит Анке на ноги.

— Паша, расскажи о своём детстве, — просит Анка.

— Ты чего это вдруг? Я же рассказывал!

— Не представляю тебя мальчишкой.

— Не знаю, о чём, — а сам уже не в Весногорском парке — в Сибири, в городке при химкомбинате для ссыльных.

Павел любит пристроиться между матерью и отцом и слушать разговоры ссыльных.

Мужчины — большие, бородатые, их речи мудрены: о больной совести, о вере в идеалы, о человеческом достоинстве, о мужестве. Но постепенно их идеалы въедаются в плоть.

— Я не рассказал тебе, как стал охотником, — перебивает Павел голоса отца и его друзей. — Район у нас промысловый, половина населения — охотники. Наверное, поэтому каждый парень, только начинает соображать, умеет стрелять и мечтает о ружье. Отношение к ружью сизмальства ответственное. Даже пятилетний не направит его на человека, знает: это всё равно что при людях опраться или снять штаны.

Почему Тишко явился в парк? Целится в них из ружья.

— Какая-то чушь лезет в голову, — передёрнул Павел плечами.

— Ты о чём?

— Да ерунда!

За спиной Корюшка рассказывает кукле сказку:

— Зайчик с белкой побежали за Иванушкой, чтобы спасти его от бабы Яги.

— Мы с Кирюхой тоже не рыжие. Выстругали ложе, один конец трубки заплющили, в другой засыпали порох. Сбоку сделали прорезь. Поджигаешь порох, происходит выстрел. Только ружьё стреляет точно, а самопал куда попало. Может попасть и в того, кто стреляет. Сделали мы самопал...

— Тебя могло убить?

— Тогда я об этом не думал. С самопалом отправился в болото. Знаешь, сколько там диких уток?! Бессчётно. Плавают среди вербовых кустов. Но из самопала можно попасть в них лишь с десяти шагов, а подобраться к ним можно лишь с одной стороны, оттуда, где кочки. Я почти подобрался. — Словно не с ним, с другим пацаном, в великоватом пальто и старой вытертой отцовской шапке, происходит такое важное событие, как первая охота. — И вдруг у самого скрадка перерезал мне путь дядя Толя. Дядя Толя — муж маминой сестры. Ну, думаю, сейчас отберёт самопал! Испугался, а виду не подал, говорю: «Уйди, Анатолий. Не отдам самопал!» Дядя Толя вдруг шепчет: «Не бойся, не заберу». — Павел с поздней благодарностью вздохнул. — Он, хоть и самодур был, а ко мне относился хорошо. «С девяти шагов попадёшь в дерево?» — спрашивает. Я аж задрожал от радости, про уток позабыл. Дядя Толя сделал белые затёсы на сосне, чтобы мне было хорошо видно, протянул своё ружьё. Я выстрелил, три дробины попало. И вдруг он говорит: «Ну, ладно, давай меняться. Что смотришь? Бери моё ружьё, а мне дай твой самопал. Я ведь не промысловик, не охотник».

— Может, у него ещё ружьё было?

— Баба Яга отобрала у Иванушки волшебный перстень... — рассказывает Корюшка кукле.

Павел покачал головой.

— Нет, единственное. Ты не представляешь себе, с каким чувством я шёл домой, как нёс ружьё. Мне казалось, в одну минуту я стал взрослым. Мать увидела, сразу в крик. Попыталась даже отнять. Я вырвался, убежал от неё, ружьё спрятал на чердаке. Мать кинулась к Анатолию. Я, конечно, за ней. Неужели Анатолий отберёт? А у Анатолия мужики сидели. Пили они. Все принялись убеждать мать: пусть лучше он с ружьём будет, чем с самопалом, не так опасно.

— Убедили?

— Убедили. С тех пор я стал самостоятельным охотником. — Павел оглянулся на Корюшку. — Не замёрзла? Хочешь, бегом?

— Хотим! — в восторге закричала Карина, крепко прижала к себе куклу. — Очень даже хотим.

Что-то произошло, что оскорбило Эдика, порушило человеческое достоинство?

Как он когда-то, смешным пацаном, вышел на бой за свою взрослость, может, и Эдик вышел на бой? За что? Против кого?

Приснились Павлу дикие утки. Хотят взлететь и снова падают в скрадок, в вербные кусты. Они с Кирюхой мчатся на санках с горы, к их лицам взлетают утки, машут крыльями, много уток, бесчётное число уток, утки бьют его крыльями по лицу, не дают дышать, останавливают полёт с горы. Вдруг вместо уток — Эдик. Это он остановил санки. «Не буду командиром ни у себя, ни у мелюзги».

Павел очень любит летние утра. Проснулся — умытое, свежее солнце в окне. Солнце есть, значит, можно начинать день.

Зимой же вставать трудно. Лёг спать — за окном темно, проснулся — за окном темно. В темноте рождается новый трудовой день.

Сегодня, как и всегда, в школу он бежит, а не едет на автобусе. Но сегодня бежать не получается. За одну ночь из кроткого и мягкого февраль превратился в убийцу. Натянул ледяным звоном провода, прибил намертво тугие комочки к ним и к веткам деревьев — только растопыренные от холода перья жалобно торчат над проводами и ветками. Мгновенно стал бесчувственным нос, свело челюсти, сбилось дыхание.

Твёрдо решил новую группу не брать. К Эдику больше не приставать, сделать вид, что ничего не происходит. Всё тайное рано или поздно становится явным. Нужно заняться неотложными делами. Например, подготовиться к поездке в Москву, директор обещал отправить лучшую группу.

Так что, нечего ломать голову над ребусами, дел по горло.

Бежать сегодня невозможно: не удаётся вдохнуть глубоко, ледяной воздух затыкает глотку, не идёт в лёгкие. Через две минуты был на остановке. Продышался только в тёплом автобусе.

Со своей группой начнёт всё сначала: будет смотреть, слушать. Может, ребята во всём врут ему, например, не трое курят, а тринадцать?!

Около спален его ждал Солнцев.

— Разговор есть...

В этот момент зазвонил звонок, и Эдик побежал поднимать ребят.

Умывание, зарядка, уборка спален, завтрак, уроки — всё на юру, не поговоришь.

На большой перемене Эдик подошёл.

— Я испортил инструменты, — сказал без предисловия. — Не сам, конечно. Приказал Тишко и Пигулевскому.

Павел рассмеялся.

— Врёшь ты всё! Этого не может быть! — но последние слова произнёс неуверенно. Эдик назвал Тишко. Кузьмин назвал Тишко. Инструменты наверняка уже лежат в мастерской.

Снег широкими, сверкающими от холодного солнца ступенями поднимается по ёлкам вверх, и, кажется, отсюда, со второго этажа, можно легко, как по лестнице, взобраться на самую высокую ёлку.

Павел видит себя со стороны — точка, затерянная среди других таких же точек. Сверху видит большие города, в которых побывал и которые ничему не научили его, видит свой городок, в котором родился, и Весногорск, в котором живёт сейчас, с фабриками и садами, речкой и этой спецшколой. Он мал и ничего не знает о жизни.

Отец часто повторял: «Научись на себя смотреть со стороны», а он не понимал этого, лишь сейчас понял, что это значит.

Смотреть на себя со стороны — перестать воспринимать себя пупом земли, увидеть себя в ряду других людей, а людей и явления — такими, какие они есть на самом деле.

Он же слеп, глух, глуп. Он не знает своих детей. Он совершил какую-то ошибку и теперь должен исправить её.

— Что не по нему, трах по башке! — говорит Эдик. — Ладно бы, по рукам, по плечам, так нет, по шее и по башке. Помните, Корнеева с головной болью поволокли в изолятор? Врач сказал, сотрясение мозга. Так это Вениамин Авивович трахнул его. Ой, стукнул, — Эдик говорит скороговоркой. — А тут как вышло? Тишко на-

узыкал Пигулевского, и тот стал бить об пол Кузьмина, а тут я вошёл, вы меня послали взять дрель. Не сдержался, конечно (малого бьют!), оттащил Пигулевского от Кузьмина. Вдруг сзади Вениамин Авивович «Не лезь в чужие дела!» И по шее — трах! У меня аж почернело перед глазами. Не сразу очухался. До сих пор болит голова. Какие ж дела — чужие! Все дела общие. Так?

— Почему раньше молчал? Его отстранят от работы! Это же уголовное дело! Не может, не должно быть такого безобразия в школе!

— Он учит здорово! — сердито сказал Эдик. — Сразу получается. Скажет одно слово, а ты уже умеешь!

— Ты пойдёшь к Кире Софроновне и расскажешь, как было дело.

— Убегу! Я не фискал. Пусть мотают сроки, пусть отправляют в спец ГПТУ, убегу, и всё.

Снежные ступени поднимаются по ёлкам верх. Затерялись они с Эдиком в снегу, внизу, никак не выбраться к небу.

— Давай я скажу от себя, будто сам увидел?

— Убегу!

В этот день Павел отпустил Валю отдыхать, остался в школе на вторую смену и на ночь.

Что делать с Шаром? Самому выяснить с ним отношения? Или всё-таки сказать Кире?

Ничего особенного не происходило, всё шло своим чередом: ребята учили уроки, читали, болтали о самолёте.

Почему Эдик, откровенный с ним, сразу ничего не сказал ему о Шаре?

Отец учил разбираться самостоятельно. Эдик и разобрался — отомстил Шару, как сумел.

Нужно или нельзя жаловаться? Чем отличается жажда восстановить справедливость, вопль о помощи от ябедничества?

В свободный час отправился к Кире Софроновне. Из кабинета, как ему показалось, ни звука. Стукнул в дверь, не дождавшись разрешения, вошёл. Напротив Киры Софроновны — Шар.

— Немедленно пишите заявление об уходе, — едва слышно говорит Кира Софроновна. Губы сини, лицо бледно и перекошено бешенством. — По шее! Беззащитных детей! Если бы они, в ответ, ударили вас, их уекли бы в спец ГПТУ или в колонию. Это вам не воровство и не бегство из интерната, за которые они попадают к нам. Вы бы первый потрясали кулаками, взывая о справедливости. Устроили бурсу! Я надеялась, вы пересмотрите своё поведение после нашего разговора. Ты что? — сердито спросила она

у Павла. Шар поднялся, ни слова не сказав, вышел из кабинета. — Ты что? — повторила Кира Софроновна.

— Зачем тогда комедия с педсоветом, если вы все знали и так, без педсовета?

А Кира Софроновна отвернулась к окну, залитому ярким светом прожектора.

Распахнулась дверь. Не вошёл, ворвался Семён Трофимович.

— Ты с ума сошла! — накинулся он на Киру Софроновну. — Разве можно увольнять такого прекрасного мастера?! Мы же не найдём никого в середине года! Нарушителей в штрафную, мастер пусть исполняет свои обязанности.

— Прав ты. — После громкого голоса директора Павел едва слышал слова Киры. — Ребята совершили хулиганский поступок, их надо наказать. Но, если копнуть глубоко, они защищались, отстаивали себя. Они отомстили. И так они несчастны, биты-перебиты, унижены-переунижены прошлой жизнью, лишены в своём детстве самых естественных детских радостей — развлечений, нормальной еды, родительской ласки.

Ни шороха, ни звука. Единственное, едва уловимое движение в комнате — наступление на них света с улицы. Как ярк он по сравнению с тусклым светом настольной лампы, как похож на солнечный!

— Неужели накажете ребят, Семён Трофимович?

Тот искренне удивился.

— А как же, Павел? Нельзя не наказать. Не накажешь, решат: так и надо. До чего ещё додумаются?! В уставе школы записано: «Совершил ребёнок проступок, должен понести наказание».

— Вот то-то и оно, — Кира смотрит в окно, и лицо её залито белым светом. — Шутка ли, два дня простоя. И придётся раскошелиться: сумели восстановить не все инструменты. Только несправедливо это: накажем ребят, а виноват взрослый человек, мастер. Нужно думать.

Директор молчит. То ли не согласен с Кирой Софроновной, то ли, наоборот, согласился, и ему неловко за предложение наказать ребят.

Перед отбоем Павел подошёл к Эдику.

— О каких человеческих отношениях может идти речь, если главные свои неприятности и ты, и все вы скрываете от меня? Не понимаю.

Эдик отвернулся. Выжать из него хоть слово не удалось.

Спал в эту ночь Павел чутко, как при грудной Корюшке, всё ему казалось: что-то должно случиться. И, когда утром шёл домой, не покидало его чувство потери и беспокойства.

Корюшка гуляла с бабушкой, а Анка лежала поперёк тахты, неловко, боком, спрятав лицо в подушку, и горько плакала. Ходуном ходили лопатки.

— Что с тобой? Кто тебя обидел? Плохо себя чувствуешь? На работе неприятности? Ты сегодня собиралась оформить декрет.

Анка в первый раз плачет при нём.

— Что ты? Скажи! — Павел гладит её волосы, спину, пытается заглянуть в лицо, но Анка уткнулась в подушку.

Анка тихо живёт рядом. Помощи у него не просит. Платьев модных, модных туфель не просит. Он даже не знает, что у неё есть, чего нет.

— Какие у тебя тёплые, пушистые волосы, Анка!

Что он о ней знает? Хороший инженер, приносит с работы похвальные грамоты и премию за каждый квартал. Все вечера дома. Никогда голоса не повысит. В квартире чисто, красиво.

Поженились они, когда он учился на последнем курсе ПЕДа. Чтобы подработать, устроился в котельной при общежитии. Со стипендией вместе получалось сто двадцать рублей. Торжественно дважды в месяц вручал Анке деньги и считал: долг свой выполняет. Ничего не изменилось и тогда, когда пошёл работать.

— Анка, родная, что с тобой? — гладит он выпирающие лопатки. — Тебе вредно плакать, отразится на ребёнке. — И понимает: она плачет из-за него, из-за того, что он всё время с ребятами, часто даже ночами. Гулять с ней и Корюшкой ходит редко, а когда водил Анку в кино, и не помнит: до рождения Корюшки. — Хочешь, пойдём погуляем? Может, тебе платье нужно или сапоги, ты купи, лежат же деньги, те, что я летом подработал! — Тут же вспоминает, Анка говорила, эти деньги на маленького. — Не обижайся, прости меня, я постараюсь быть внимательнее.

Ещё горше заплакала Анка, подтверждая: причину её боли он угадал верно.

Эпилог

Прошло полтора года. Давно уехали домой Серёжа и Саша Тадеуш, Тишко и Кулёмов, Ваня Гринкин и Тихонов. Давно у Павла новые ребята, и они, с первых шагов приняв традиции группы прежней, играют в капитанов, и плавают на лодках, и бегают на лыжах, и читают книжки. Лица повернуты друг к другу и к Павлу. Только Павел, нет-нет, да, уходя домой, или в перерыв, когда в школе идут уроки, подойдёт к клёнам, посаженным его трудной, экспериментальной группой, и разглядывает, на сколько сантиметров выросло дерево. Выше всех деревце Серёжи. То ли он поливал усерднее, то ли выпросил особое удобрение у Саши Андреевны, то ли это деревце постарше остальных и, выбравшись из тени и тесноты леса, кинулось навёрстывать упущенное, неизвестно, только Серёжино деревце раскинулось широко, а ростом — с Павла.

От Серёжи пришло письмо в самом начале. «Поступил в садовое училище, теперь буду учиться».

Пришло письмо от Тишко в самом начале. «Решил стать шофёром, буду ездить между городами. Поступил в автомеханический».

Гринкин поступил учиться на крановщика, Тихонов пошёл в шофёры, как Тишко.

Новый год они встречают с Анкой вдвоём. За спиной, в их тылу, в глубине квартиры спят их дети, в школе, на опушке леса, освещённые ярким бессонным светом, спят дети обездоленные, обиженные, обойдённые судьбой, искалеченные родителями и учителями.

Шампанское и пироги, радио и телевизор в два разных голоса подгоняют их к Новому году — песнями, музыкой, достижениями нашей промышленности и сельского хозяйства.

Наконец бьют куранты. Один голос по всей стране. Торжественная долгая минута.

Новый, только родившийся год. Чистый лист жизни. Чем заполнится?

Анка в новом платье, с распущенными волосами. Смотрит на него, блестя глазами. Они чокаются.

Голос генерального секретаря. Планы перевыполнены. Все предприятия давно работают в счёт будущего года. Благоденствие, ударный труд. Этот, новый, год — переломный. Надежды, мощные планы. Скорее в будущее. Обогнать. Перегнать. Перевыполнить.

— Я, Анка, счастлив сейчас. Помнишь мои берёзы? Я, Анка, нашёл живую воду, — впервые вслух произносит Павел такие слова. — Я помог им стать людьми.

Звонит телефон.

— Мама, как всегда. — Павел бежит на звонок. — Аллё, мама?!

Далёкий голос, из прошлых лет, канувших в вечность.

— Кто это? Не разберу. — И растерянно Анке: — Плачет кто-то.

Скомканное, невнятное, с прыгающими словами:

— Пал Фимыч, взяли. Крупное дело.

Он уже узнал. Уля. Жена Эдика. На сей раз крупное дело. Значит, виноват.

— Не понимаю, — пытается сопротивляться Павел.

Но он уже понял. Понял больше Ули, потому что Эдик, когда его освободили, сказал: «Выживет Фитиль, мне конец».

— Почему вы молчите? Вы приедете? — пляшущие слова, потерянный голос. Девочке страшно, девочке трудно одной с малышом — с Павлом Эдуардовичем Солнцевым.

— Я не приеду, — наконец выдавливая из себя Павел. — Я болен.

Гремит телевизор праздничным концертом. Радио Анка выключила. Спят дети в глубине квартиры. Бьётся гудками трубка, как язык на его удачливом крючке. Всего две минуты между одним годом и другим.

— Я хочу есть, — говорит Анка. В её лице обида и раздражение. И жалость к нему. — Я не ела целый день, — объясняет Анка.

Они снова за столом.

Холодец, салат из крабов, пироги, Анка готовила целый день. Анка в новом розовом платье с тёмными цветами, волосы распущены.

Танго.

В полутёмном зале института они с Анкой танцевали в первый раз танго. Её волосы щекотали его лицо. Он склонился к ней и едва прикоснулся лицом к её волосам. Пахли волосы сеном, цветами. Они и сейчас так пахнут.

Если бы не звонок, они бы сейчас танцевали танго в полутёмной, просторной красивой кухне. И, как когда-то, Павел окунул бы в Анкины волосы лицо.

Небольшой оказалась передышка.

— Извини, Анка, мне нужно написать Тишко и Серёже.

«Прямо сейчас? Всё-таки Новый год! — Павел договаривает за Анку. — Я готовила целый день!»

Нужно есть, нужно хвалить Анку — хоть одного человека он должен сегодня сделать счастливым.

— Пойдём танцевать. Жизнь не кончена из-за Солнцева.

Танго. Ещё одно. Вся музыка — это танго, не кончающееся.

Сеном пахнут Анкины волосы, цветами. Этот лёгкий запах — его защита, его опора. Не кончена жизнь. Идёт Новый год. Начало. Надежда. Нельзя падать духом. Может быть, Эдик не виноват?

«Виноват» — звучит голос. Павел гонит его, как постылого гуляку-кота, засыпавшего дом блохами, заглушает — начинает подпевать певцу и забывается на какое-то мгновение: только Анка, только запахи лета и свежести, только его дом-крепость, в котором чисто, тепло, в котором спокойно спят его дети.

А когда уснула Анка с улыбкой на лице, Павел на цыпочках вернулся в кухню и стал писать:

«Здравствуй, Валера! Ты прочно молчишь. Сильно занят или забыл обо мне и школе? Очень прошу, ответь на следующие вопросы: как ты учишься, какие предметы нравятся, какие нет, с кем дружишь, с кем из наших ребят переписываешься? Со своей стороны хочу сказать, что часто тебя вспоминаю. Особенно как ты стоял на мостике корабля в Одессе. Желая тебе удачи во всём. Твой Павел Ефимович».

И сразу написал ещё два письма: Кириенко и Пигулевскому.

Он лёг спать, когда на часах было без четверти четыре. И уснул без сновидений — всё-таки это шёл к нему Новый год, с новыми надеждами, с новыми праздниками.

На другой день Павел отослал запросы в детские комнаты милиции по поводу остальных ребят. Обратный адрес дал свой домашний.

Принялся ждать ответов.

Уля позвонила ещё раз. Не плакала. Голос сух, чужой человек, не жена говорит о любимом муже:

— Не приезжайте. Виноват. Кража со взломом. Нападение на пожилого человека. Фитиль не выпустит. — И ещё отрывочные слова: — В тот раз вы спасли. Вы не знаете, в тот раз он тоже был виноват. Бандит есть бандит.

Гудки.

Без профессии Уля, без средств к существованию, без мужа. С ребёнком на руках — Павлом Эдуардовичем Солнцевым. «Прости меня, Уля, — пишет Павел письмо. — Значит, я не доработал. Значит, я не доделал. Я виноват в том, что Эдик снова на скамье подсудимых. Прошу тебя, держись. Иди жить к родителям или

к Эдикиной матери. Обязательно учись. Прошу тебя, будь мужественной. Фитиль может и до тебя добраться. А у тебя на руках сын. Сын не виноват. Сына спаси. Не живи одна».

К Кире пришёл через несколько дней, когда отправил ребят на уроки и набрался сил для разговора.

— Сначала я думал, виноваты родители, матери, такие, как матери Тадеуша, Гринкина, которые выкидывают детей из дома, и дети вынуждены скитаться, искать пропитание. Такие, как Пигулевская, которые губят детей безмерной любовью, выращивают эгоистов. Сейчас говорю, виноват я. Но не понимаю, что не так. Эдику отдал всё, знания, силы.

Кира изменилась за полтора года: волосы утратили золотистость, глаза выцвели, потускнели, как-то в одночасье она сгорбилась, словно кто плечи её пригнул, в глаза не смотрит.

— Слышал такое имя Карабин? — спросила тихо.

Пытается вспомнить, в самом деле не слышал.

А Кира молчит. И вдруг он понимает — последние минуты она шадит его. Его касается эта кличка «Карабин». Он пытается в её глазах прочесть ответ, она отводит глаза.

— Ну?! — подсознательно вырывается ребячье слово.

— Этот Карабин организовал банду из восемнадцати ребят и в течение года терроризировал город. Несколько человек подходят к мужчине, сбивают его с ног. Ногами добивают. Семьдесят дел. Последний случай — сорокалетнего мужчину, чемпиона по вольной борьбе. Умер, не приходя в сознание, на остановке.

К горлу подступает тошнота. Он видит лежащего человека, струйкой течёт кровь изо рта, запеклась, почернела около уха.

«Звери» — хочет он сказать. Не поворачивается язык. Это он умирает от жестокости своих детей.

— Карабин — твой Тихонов. Он и драться-то по-настоящему не умел. Ты обучил его подтягиваться, приёмам самбо. Ты не любил его, почти не замечал. Молчаливая тень обаятельного Тишко. В его банде Квитко. Они из одного города. Я молчала целый месяц. Посмотрю на тебя и не могу сказать.

— Зачем же сейчас? — спросил чужим голосом.

Кира опустила голову.

— Ты же послал запросы.

— Откуда вы знаете? Обратный дал домашний адрес.

— Дал домашний адрес, но при этом написал, в какой школе работаешь и что Тихонов — твой воспитанник. Вот и прислали на школу.

— Ещё про кого ответ пришёл?

— Хватит пока.

Дождь, снег, холод, слякоть... — в природе свой черёд радости, жизни, смерти.

Павел не замечает ничего вокруг. Он погрузился в сон. Кажется, вот-вот проснётся, и рассыплется сон. А во сне родители погибают от рук своих детей. И он, и Василий Петрович погибают под сапогами своих сыновей. Кровь, рваные раны, синие веки. И это он наполнил сыновей живой водой, он дал им силу — их ногам, рукам, их духу. Дал, чтобы убивать.

Чёрной паутиной затянуты все они, сегодняшние отцы, жертвы своих сыновей.

Ночь, день. Пуст почтовый ящик.

Лица новых воспитанников повёрнуты к нему. «Пал Фимыч, покажите приёмы самбо!», «Пал Фимыч, я подтянулся пятнадцать раз», «Пал Фимыч, я выжал гирию в двадцать килограммов».

Павел пытается бежать прочь, чтобы не показывать приёмов, не учить подтягиваться, не играть с ребятами в футбол, делающий сильными их ноги. Но бежать не может. Он запелёнут чёрной паутиной, он — жертва. Он не смеет исчезнуть, он будет качать в каждого парня силу, делать их ноги и руки сильными до тех пор, пока эти парни не забьют его.

Кто следующий? Кого будут бить сегодня? Он вскакивает с постели, бежит на кухню.

— Паша, что ты?

Через босые ступни — холод зимы, смертный холод, щупальцами впивается в ноги, и в живот, и в грудь, и вот уже изнутри весь Павел пронизан холодом.

«Спаси!» — хочет крикнуть он. А кому крикнуть? Богу? Небесам? Себе самому? Он виноват — значит, он и должен спасать.

Пришло сразу два письма.

От родителей Тишко. От Пигулевского.

Отец Тишко написал: «Разве можно верить вам, учителям и воспитателям, что вы все можете? Валерий в колонии. Ударил дважды головой кого-то, увёл мопед, взломал и обобрал несколько квартир. Чему вы там учили его? С этим прощаюсь».

Письмо от Пигулевского:

«Павел Ефимыч, пишу из спец ППТУ. Хотел жить по-человечески, начал учиться на пятёрки. Не смог ужиться с мачехой, она била меня по башке и гнала прочь. Стащил огнестрельное оружие, чтобы застрелить её и всех, кто будет обижать меня. Ваше письмо передал мне отец. Что писать вам, не знаю. Живите, не думайте обо мне, я совсем конченный человек. Кто ко мне подойдёт, того кусаю и бью по башке. Не могу сделать с собой ничего, ходит злость».

У Тишко был Ферзь. У Тишко была «кошечка Галла». Тишко вернулся, хотел учиться, поступил в автомеханический техникум. Хотел стать шофёром, чтобы ездить между городами подальше от Ферзя. Ферзь и Галла захватили его, от них он не смог вырваться, как и говорил.

Хоть всю кровь отдай Павел Валере, Ферзь и Галла затащат его в свои сети и не выпустят.

Хоть не спи все ночи напролёт, хоть сто игр и сто теорий самых гениальных придумай, всё равно погибнет Пигулевский.

«Я виноват» — на весь мир закричи. Бей себя в грудь, об стенку бейся, но как ты сможешь Ферзя, Фитиля, Тихонова убрать из жизни? Они, как клопы, как тараканы, забились в щели, ждут своего часа — когда наступит темнота. Как выведешь их из щелей? Каким ДДТ? Случайно раскрыл Шара. Один случай на тысячу. А сколько таких, не видных никому, сильных Шаров, держащих в своих руках мальчишек и девчонок?! Но и Шар рано или поздно выйдет из тюрьмы. Шар вернётся, убьёт тебя и вытянет из подвалов и свалок, из благоустроенных квартир тех, кто вместе с ним убивает.

— Анка, я уезжаю! Кира Софроновна, я уезжаю!

Он сорвался в одночасье. К Серёже. К Кириенко.

Какая надежда связана с этим мальчиком?

Там не было банды. Там не преступная мать. Несчастливая, но не преступная. Любит Серёжу.

Смутная надежда на выход гонит к Серёже.

С Серёжей связано лучшее прошлое, лучшее будущее.

К Серёже, в город Светоч.

Серёжа в своё время так рассказал, где он живёт, что Павел нашёл без труда их окраину и одиночки-дома — на грани города и деревни.

Выбрал он дом самый неказистый, самый обшарпанный и покосившийся.

Дверь раскрыта, несмотря на холод. Тёмный, крошечный тамбур. Из тамбура четырёхметровая кухня с полуразвалившейся печью. Продранная обшарпанная клеёнка на столе, разбитый стакан торчит в пустоту острым углом. Две табуретки со щелями посередине. Из кухни раскрыта дверь в комнату. Точно, как описывал Серёжа, железная, узкая кровать. Ещё ложе. Ложем и не назовёшь — лавка не лавка, сундук не сундук. И диван, измызганный, с торчащими пружинами. Посередине квадратный небольшой стол. И всё.

Как можно здесь жить? Хотя час как можно провести в этом са-
рае?

Павел стоял посередине этого убожества, и запоздалый стыд
скрёбся голодной кошкой — не помог!

А чем он мог помочь? Крышу залатать? Из этого хлама нового
жилья не получится.

Мог. Он должен был сюда приехать, увидеть и забить во все ко-
локола. Он должен был выбить для несчастной женщину квартиру.

Где все?

Изморозь на стенах, припорошен снегом пол. В доме, как на
улице. Да здесь давным-давно не живут!

Вышел во двор. Шёл снег. Несильный, нехолодный, а стало хо-
лодно, будто он стоял раздетый и под ледяным ветром.

Слева дом. Справа дом. Пошёл в левый. Большой висячий замок
смотрит на него чёрным глазом дырки.

А может, он расстроился зря? Может, как раз и случилось то,
о чём много лет мечтала Мария Сергеевна? Ей дали квартиру, бла-
гоустроенную, с горячей водой, с ванной, с балконом? Может, он
зря так замёрз?

Павел поспешил к дому справа, постучал в обитую дерматином
дверь.

— Кто? — спросил мужской голос.

— Извините за беспокойство, я воспитатель из спецшколы, хо-
тел узнать о судьбе вашего соседа — Сергея Кириенко.

— Какая судьба? — рявкнул голос. — Бандит есть бандит. — Улина
фраза. — Сидит ваш воспитанник, хорошо воспитали. — Мужик го-
ворил из-за двери, видимо, вовсе не собирался открывать её.

— А Мария Сергеевна? — спросил Павел.

— Машка, что ли? Машка спилась. Увезли её, куда, не доложили.
Я у них сторожем не работал.

Так на казнь идут, как шёл Павел в городе Светоч в детскую
комнату милиции. Тело ещё при тебе, и ноги ещё передвигаются,
но жизни уже нет, ты себе не принадлежишь, тебя ведёт сила, над
которой ты не властен, ведёт, цепко ухватив за шкурку, как на-
шкодившего щенка.

Марина Петровна обрадовалась, увидев его.

— Я много слышала о вас от Серёжи. Я видела его рисунки. Я по-
могла Серёже попасть в техникум, его не хотели брать. И следила
за его успехами. — Красноречие Марии Петровны быстро иссякло.
Жидкими глазами смотрит за окно, как идёт снег.

Павел хотел спросить, что же произошло, и не смог — отдалял
минуту, когда он узнает печальную Серёжину повесть.

— Пытаюсь налить воду в решето, вот чем занимаюсь. Жалко ребят, а я не могу помочь никому.

Видно, Марина Петровна в первый раз произносит вслух свои кощунственные слова, потому что как ребёнок показывает всем свою новую игрушку, так и она повторяет про решето ещё и ещё. И он понял, о чём она. Не спасти. Не вытянуть. Если попал в болото, затахнет, не выбраться, что бы ни делать.

— Пришёл из спец ГПТУ Долгих.

Павел кивнул, про Долгих-Гора он знает.

— И пришёл конец Серёжиной учёбе. Не сразу, конечно. Серёжа пытался сопротивляться. Пытался убедить Игоря в том, что нужно жить по-другому. Но что может хрупкий мальчик? Долгих много старше, три года сидел в одном классе. И Серёжа сдался. Сдался, в основном, потому, что нужны были деньги. Серёжа очень пытался помочь матери. То вещи с вокзала поднесёт кому-то, то грядки вскопает. Но разве рубль, и ещё рубль дадут возможность несчастной матери залатать все дыры? Я пыталась выбить для неё квартиру, нет! Если бы государство создало возможность для таких неплохих ребят, как Серёжа и Игорь, заработать открыто и получить деньги, скольких ребят мы спасли бы! — По рыхлым щекам Марины Петровны катятся слёзы. — Жалко, — всхлипнула она, отёрла слёзы. — Простите, совсем никуда нервы. Должна уже привыкнуть. Серёжа-то был раздет, разут. Хотел справить куртку, ботинки, хотел матери купить пальто. Хотел одеть Олега. А я чем помочь? Зарплата маленькая. — И снова она замолчала.

Только снег за окном, ленивый, неохотно уходит с небес, неохотно встречается с землёй.

— А тут мать сорвалась, стала потчевать его. Но мать-то, выпивши, не помнит себя. Совсем потеряла обличье. Напьётся, бегаёт по городу, по тем, кому носит газеты, плачет, кричит, останавливает людей, спасите, мол. Мать довершила то, что начал Долгих, — споила Серёжу. В пьяном состоянии и избили продавца в продуктовом магазине.

— И Серёжа бил? — с ужасом спросил Павел. — Этого не может быть!

Марина Петровна пожала плечами.

— Может, не может. — Она уже не плакала. — Всех троих и взяли.

— Жив продавец?

Марина Петровна кивнула.

— Всё равно срок большой. Долгих сразу в колонию. А Серёжу сначала в спец ГПТУ, потом в колонию.

— Адрес дадите?

Марина Петровна написала адрес на бумажке, но Павел уже знал, не напишет и не поедет, потому что никогда не сможет больше помочь.

Когда он очутился под снегом, он неожиданно понял Тишко, Марию Сергеевну, других пьющих — немедленно, сию минуту нужно вырубиться, а для этого есть один способ — напиться. Надо так напиться, чтобы не осталось ни одной живой клетки памяти: забить, залить все мысли. Желание было столь острым, что Павел машинально достал кошелёк и двинулся к просторному зданию с широким размашистым заголовком «ресторан».

Нужно было сильно встряхнуть себя, нужно было применить к себе силу, какой ещё не применял, чтобы пойти от ресторана прочь.

Прямо с поезда, не заходя домой, ранним утром Павел отправился в школу. К своим ребятам не поднялся, прошёл в пустую учительскую. У него больше часа времени.

На чистом листе вывел: Заявление.

Не задумавшись более ни на минуту, стал писать:

«Я виноват. Я не спас своих ребят. Не могу больше верить в результаты своего труда. Читает пацан стихи, хорошо читает, аж слёзы пробирают, а я вижу, он вышел на волю, напился или не напился, но обязательно попал опять в руки дружков или к плохим учителям, или к пьяным родителям. Чтобы не захотеть учиться, много ли надо? И — конец. Снова избил, обворовал, взломал, а то и убил. И снова срок. Отсюда получается, я делаю бесполезный труд. Я рву себе нервы, не сплю, мучаюсь. Я отдаю им всё, что у меня есть. Чуть не разошёлся с женой. А толку никакого. Я не уничтожу причин, которые губят несчастного пацана. Не создам для них нормальных условий жизни».

1980–2024

Мичуринец, Коктебель—Бостон

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ (ОШАНИНА) — писатель, педагог и редактор — родилась в 1937 г. в семье биолога и писателя Елены Успенской (внучки писателя Глеба Успенского) и поэта Льва Ошанина.

Окончила Московский университет. Много лет преподавала литературу, из которых десять лет (1962–1972) работы в знаменитой Московской физико-математической школе № 2 она считает лучшими годами в ее жизни. Это была школа абсолютной внутренней свободы, воспитывающая человека, свободного от партийных догм и зависимости от власти; школа, дарившая способность анализировать, раскрывавшая творческие способности, формировавшая яркую, самобытную личность. И самое главное — это была школа со своим кодексом чести и нравственности.

После разгрома школы в 1971 году работала редактором в издательстве «Современник». Переводила книги с подстрочника. Публиковалась как критик в журнале «Нева». Написала тридцать романов и повестей в числе которых «Шаман» и «Я вышла замуж в Америку». Большинство ее книг были изданы в Москве издательствами «Советский писатель», «Молодая гвардия», АСТ и др. Весной 1990 года была приглашена в Пенсильванский университет читать лекции об А. С. Пушкине и современной русской литературе.

В настоящее время живёт с семьей в Коннектикуте, США.

Роман Татьяны Успенской (Ошаниной) «Я виноват?» посвящен очень важной для любого здорового общества теме перевоспитания трудных подростков.

Главные герои книги — молодой преподаватель спецшколы Павел и его ученик Сергей. Павел любит своих воспитанников, хочет открыть лучшее в этих детях, не знавших нормального детства. Он пытается увлечь их интересными книгами, играми, спортом, научить открыто говорить о проблемах и бедах, стремится пробудить душу и совесть в каждом ребёнке. Павел категорически против наказаний, против доносов, привычных в школе из-за методов зауча.

Серёжа — двенадцатилетний мальчик с богатой душой, талантливый художник, добрый, тихий, не способный сам совершить дурной поступок, но зачастую идущий на поводу у старших приятелей, малолетних преступников или отвратительных взрослых.

Удастся ли молодому учителю спасти подростков от окружающих их насилия и разврата? Или, несмотря на всю увлеченность воспитателя, опять победят жесткость и бездушие взрослого мира?

